

★ ВСТРЕЧА ДЛЯ ВАС

Мария Биешу:

«ОТДАВАЯ ВСЮ ДУШУ»

Вчера вечером в Концертном зале имени Свердлова за дирижерский пульт Государственного симфонического оркестра Узбекской ССР встал гость из Молдавии — Думитру Гоя. Событие это — одна из страниц культурного обмена между двумя братскими республиками: пройдет немного времени, и в Кишиневе появятся афиши с именами узбекских артистов.

Вечере молдавской музыки приняли участие народный артист Молдавской ССР Михаил Мунтян, лауреат Межреспубликанского конкурса Ион Жосан.

Программа включала в себя и классическую музыку: отрывки из опер, пьесы для оркестра. Но особенно интересной для ташкентских слушателей была встреча с молдавскими народными песнями и произведениями композиторов, которые представляют собой музыкальное лицо республики. Это Е. Дога (прозвучала его баллада для скрипки с оркестром), Г. Няга (была исполнена сюита для струнного оркестра.)

И, конечно же, подлинным украшением концерта стало выступление народной артистки СССР, лауреата Государственных премий СССР и Молдавской ССР, лауреата Международных конкурсов Марии Биешу.

После концерта на сцене лежат лепестки. Пахнет весенней свежестью. В цветах — примерная.

...Можно снять с лица грим. Но не снимешь с души пережитые страсти и страдания — нет их уже, все отдано без остатка. В зеркале отражаются усталые глаза...

— После того, как спую Чю-Чю-Сан или Норму, я неделю не могу прийти в себя. Нельзя петь и не входить в образ. Нельзя не переживать всякий раз заново всю боль, все отчаяние женщины, покинутой возлюбленным, матери, теряющей детей, человека, лишившегося смысла жизни. В каждом спектакле полностью сливаешься со своей героиней.

— А в концертных программах? Ведь некоторые оперные певцы могут сравниться с вами по количеству.

— Да, действительно, у меня семнадцать сольных программ, в каждой из которых по двадцать-двадцать пять номеров. Я занимаюсь концертным исполнительством около пятнадцати лет. Но как это сложно! Казалось бы, сколько времени и сил отнимает подготовка оперной партии. Но ведь в опере только один образ, один характер. А если вы выступаете с романсами, то каждый из них — это маленький кусочек жизни. Затем — партию вы поете крупным звуком, вы дополняете образ мизансценами, действиями. А на эстраде без особых внешних проявлений, размахистых жестов, только голосом и мимикой, всего за две минуты, необходимо передать определенное состояние, настроение. Тут же, пока аплодируют, перевоплотиться — и вот уже новый характер... Трудно, но притягательно. Камерная литература обогащает певца, дает ему очень многое для оперы. Появляются гибкость, тонкие штрихи, которые разбивают голос, делают его более выразительным.

— Мария Лукьяновна, хочу задать вам вопрос, который задали бы многие читатели «Комсомольца Узбекистана», будь у них такая возможность. Почему вы пришли на сцену? Как и когда нашли в себе музыкальное призвание?

— Началось все, как и у многих советских артистов, с художественной самодеятельности. Поначалу пела в школьном хоре — запасалой была! В сельскохозяйственном техникуме — я ведь собиралась стать агро-ле-сомелиоратором — и пела, и танцевала, и в драмкружке играла, что, кстати, пригодилось впоследствии. Где, как, когда я могла подсмотреть таинства сценического действия — не знаю. Телевизоров тогда не было, отец и мать — колхозники, жили на селе и в театры не возили. И все же мы делали костюмы, декорации, и играли, играли... Интуиция какая-то, что ли? Зов призвания?

А потом наступила та бурная весна 55-го. Тут госэкзамены, а вдруг вызывают в Кишинев на заключительный концерт республиканского смотра самодеятельности. Спела я «Лягу» и... произошло невероятное, перевернувшее всю мою жизнь: министр культуры — великодушный человек — сам пригласил меня учиться.

— Как вы оцениваете подготовку, полученную в консерватории?

— Необычайно трудный период. Мне, не имеющей вообще никакой музыкальной подготовки, пришлось догонять своих сверстников. Помогло прежде всего природное трудолюбие. На четвертом курсе начала ездить солисткой с ансамблем народной музыки, и даже побывала в то время в Ташкенте. Это было очень интересно, однако в профессиональном плане я многое потеряла. Педагоги стали удивляться: что такое, поступила дивчина — диапазон, три октавы, сейчас — ни верхов, ни низов. После поняла: пока профессиональная манера не сложилась, нельзя сочетать различные стили исполнения. Тогда ушла из ансамбля и с головой погрузилась в классику. Как я оцениваю подготовку? Мне кажется, что во мне счастливо победила природа. Не нужно искусственно искать, куда послать звук, он должен найти себе путь сам. Огромное значение имеет постоянное проникновение в творчество больших мастеров.

— Как прошел ваш дебют?

— Пришла в театр, но, конечно, как все молодые, доверия не имела. В то время труппа готовила «Тоску», и мне до безумия захотелось сделать партию главной героини. Для самоутверждения, что ли. Сначала похотелось. Потом все узнали, и со мной даже отрепетировали I акт. Но брать все-таки не хотели. Я ходила по театру, пела и плакала, как вдруг создалась критическая ситуация: накануне премьеры заболели обе предполагаемые исполнительницы Тоски. И вот практически без репетиций я вышла на сцену. Знаете, у меня в дальнейшей жизни было много триумфов, цветов, побед. Но эа!!! Ни с чем не сравнима и незабываема. С нее все началось. Однако хочу сказать молодым, которые приходят в театр: это просто судьба, счастливый случай. Начинать все же надо с маленьких ролей. Ведь и я тогда — просто спела. По-настоящему же начала подходить к образу гораздо позже. Да и по сей день нахожу в Тоске все новые и новые оттенки.

— В каких партиях вы больше всего приблизились к своему идеалу?

— Прежде всего хочу сказать, что все мои партии мне нравятся. Иначе не берусь: но есть все же не главные: такие, как Иоланта, Лиза в «Пиковой даме». Партии, в которых я чего-то достигла, — это Тоска, Аида, Чю-Чю-Сан, именно в них я выкладываюсь полностью и потом много дней возвращаюсь к жизни.

— Судя по всему, ваши любимые композиторы Верди и Пуччини? Чем они привлекают?

— Прежде всего большой внутренней силой, тонким психологизмом, художественной правдивостью. кипение страстей, противоборство характеров у Верди, например, сродни шекспиров-

ским. И в то же время — мелодическое богатство, гармонический вкус, виртуозность инструментовки. Оба композитора обладают гениальной способностью вовлекать в поток событий, происходящих на сцене. Зрители страдают, тоскуют, негодуют, радуются вместе с моими героинями, и, как я надеюсь, тоже очень долго не могут прийти в себя.

— Очень интересно, как в процессе работы над произведениями складываются ваши взаимоотношения с дирижерами, режиссерами?

— В молодости я подчинялась. Но это была не я. Сейчас не жду, чтобы мне подсказывали, и вообще считаю, что дирижер должен не дирижировать солисту, а делать вместе с ним музыку, чувствовать вместе с ним душу. Очень ценю тех, кто не навязывает своего мнения, а выколачивает из моей души все, что в ней хранится. В этом смысле благодарна Хайкину и Эрмлеру, с которыми или уже записала, или готовлюсь записывать пластинки. В настоящее время записываю «Тоску» с молодым дирижером Александром Лазаревым. В памяти светла встреча с Борисом Покровским, выдающимся режиссером, и с венгерским дирижером Яношем Ференчиком — это очень интересная фигура.

— Несколько слов о методе вашей «домашней» работы.

— Прежде всего мне хочется сказать, что мне необычайно повезло с концертмейстером. Это Ольга Константиновна Силкина, которой недавно присвоили звание заслуженной артистки республики. Человек самостоятельный беспредельно, она может заниматься со мной круглосуточно. Сама я никогда не замечаю времени в работе, и такое наше единодушие очень важно. Ну а обычно мы занимаемся с одиннадцати утра до трех часов дня. Разучиваем новые произведения, повторяем старые, причем Ольга Константиновна с ее великолепным вкусом мне первый помощник. Затем с четырех часов — занятия с учениками. У меня их всего двое — тенор и сопрано Михеля Тана и Юрий Стомати. Но больше взять я просто не могу. Мне кажется, воспитание ученика — дело, которому нужно отдавать всю душу. А поздними вечерами вновь возвращаюсь к партиям, номерам. Ночная тишина располагает к анализу: что-то не удалось, где-то не поняла. А еще меня ждут письма. Вот уже четыре созыва я — депутат Верховного Совета СССР. Писем бывает очень много и, погрузившись в них, порой просидишь до рассвета.

— Как педагог, что бы вы хотели пожелать нашей вокальной молодежи?

— Можно я пожелаю не только вокальной, а молодежи вообще? Быть фанатиком в своем труде. То есть полной самоотдачей. Своему делу нужно отдавать всю душу — в этом смысл жизни.

Интервью вела
Т. КУЛЕВАС.
Фото В. Белоplotова.